

18+

ЯКОВ ЕСЕПКИН

Порфирность

Яков Есепкин

**Порфирность. Готические
стихотворения**

«Издательские решения»

Есепкин Я.

Порфирность. Готические стихотворения / Я. Есепкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507965-7

Творчество русского писателя Якова Есепкина сложно детерминировать стандартами. Сегодня не оспаривается факт экспонации гениальности, культовость автора и его книг. Реформатор языка и поэтики довел тяжелейший художественный слог до эфемерной воздушности, тем покориł высоты, коими грезили предшественники, начиная от Боратынского. Революционно само появление такой ультралитературной фигуры в историческом вакууме. Сочинение «Порфирность» характеризуется разноплановостью текстов и фрагментов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-507965-7

© Есепкин Я.
© Издательские решения

Содержание

Часть I.	6
«Позовут проповедовать нас...»	6
Трилистник убиения	8
«Эту звездную близость, сиреневых скрипок молчанье...»	10
Сарматский реквием	12
«У Господа на каменных коленях...»	18
«Предъявилась пурпурная дива Христу...»	19
«Лазарь шлях указывает к огню...»	20
«Всерайские рулады не свернуть...»	21
«Не умирали нам в зеленом...»	23
«По контурам блуждающих огней...»	24
«Райски яблоки нам подавали ...»	27
Нисхождение в Аид	28
«Со звездой ли Полярною во лбах...»	33
«Не плачь, накликай беду...»	35
Аурность мглы	36
«Персты в крови, саднит веретено...»	41
«Луч забвенья блеснет – звездной славы рассыплется...»	43
Псалмы	45
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Порфирность Готические стихотворения

Яков Есепкин

Литературно-художественное издание

Корректор Ирина Романова

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Яков Есепкин, 2020

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-7965-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I.

Царствия

«Позовут проповедовать нас...»

Позовут проповедовать нас,
А и сил для реченья не будет,
В царстве мертвых пропав, свинопас
О евангельской правде забудет.

И увьет нам уста тишина,
Поелику не будет иного.
Слишком долго гранила волна
В темных водах священное Слово.

Мы и сами как волны, сиречь
Тени их в угасающем следе,
Не достойны вести эту речь,
Вопрошать ад о вечной победе.

Чем победная славится мгла,
Именитства зачем отменяют,
Аще правда царям тяжела,
Пусть латыни еще отемняют.

А убийц расспросить и нельзя,
Только цветность увидеть возможно,
Где отроков невинных разя,
Яти августа светятся ложно.

Красных венчиков сих огоньки
Мы узреем – терние на струпe,
Ярко цели были высоки
И добиты сказители вкупе.

Лживы помыслы, ложны слова,
Истонченное золото веры
Нощно гасят небес кружева,
Сокрывая Господние сферы.

Перст избранничества не туда
Указал из всезвездного крена,
Виждь, горит меж губами вода,
Запеклась в ней кровавая пена.

Трилистник убиения

I

Только змеи, Господь, только змеи одне
Бьются подле цветков и во яви тризняются,
Источилися мы, изотлели в огне,
Боле свет-ангелки мертвым чадам не снятся.

Вот безумная нас приманила Звезда,
Разлила серебро, повлачила по кругам,
Новый год отгорит, вспыхнет хвойна гряда,
Так опять в Рождество застучимся ко другам.

И беда ж – предали, не Сынка ль Твоего,
Утеравши в гурме, троекрестно распяли,
Против зависти нет на земли ничего,
Царствий куполы виждь, где агнцы вопияли.

Ядно зелие мы будем присно алкать,
Рукава что пусты, святой Господь, нестрашно,
И костями возьмем, станем хлебы макать
С богородной семьей в четверговое брашно.

Хоть отчаянья грех отпусти во помин
Прежних белых годов, опомерти притронной,
И теперь мы белы, яко вешний жасмин,
Только всякий цветок залит кровью червонной.

II

Пред субботой стоим, пред последней чертой,
Красно золото ей из очес выливаем,
В келий пятничных темь кажем венчик златой,
Роз-костей набрали, ни ношим, ни дневаем.

Заступиться нельзя в ту зеркальну купель,
И стодонна ж сия ледовая крушница,
Разве бойным одно, безо нас чтите ель,
Память нашу всчадит ярче огонь-багряница.

Рои демонов бал новогодний чернят,
Чур, лиются птушцы в благовестные звоны,
Чистых бельных невест юродивы тризнят
На сносях, к царствиям их влекут Персефоны.

Господь, трачена жизнь, и стоим на юру,
Тыча жалкой сумой в троекрестье дороги,

Надарили мы звезд ангелкам во пиру,
Перстной кровию нам красить сиры муроги.

Слезы чадов собрать, всем достанет вина,
Ниткой серебряной мор-окарины тиснятся,
Мимо как повезут, вижди хоть из рядна —
Мы серебром горим, всё нам ангелы снятся.

Ш

Господь, Господь, слезой прекроровой утрись,
Слово молви ль, взмахни рукавом с Ахерона,
Кайстры бросили в персть – змеи алчны свились,
Грознозлатная Смерть белит наши рамена.

Далей нет ничего, всех Рождеств лепота
Сребром красной была да размыта слезами,
Трачен чадов удел, а доднесь золота
Страстотерпцев юдоль, где тризнят образами.

Присный пурпур Звезды с перстов кровию сбег,
И жалкие ж Твое летописцы заветны,
Что пеяли хвалу, слали крушницей снег,
За обман кобзарей разве чада ответны.

Узришь как в золоте оперенья птушцов,
Пухи бельные их кости-снеги устелят,
Ангелам покажи царичей без венцов,
Пусть апостольну кисть эти раны обелят.

Иль во гробе разлей исцеляющий свет,
Ах, мы розы Твое, волошки прелюбили,
И заплакати днесь мочи-лепости нет,
В сраме виждь агнецов – ношно нас перебили.

«Эту звездную близость, сиреневых скрипок молчанье...»

Эту звездную близость, сиреневых скрипок молчанье
Кто разбился в куски – понимает, а ты их прости.
Нас Отчизна легко ненавидела и на прощанье
Тяжело полюбила за муки на крестном пути.

Видь, сердца, точно камни, давно прогибают скрижали,
Возлежат под горами добитые черным цевьем,
Так почто, как святые, стопы от земли отрывали
И горели под нами следы темносиним огнем?

Все звездами ожгло, во свинце полыхают сирени,
Погребальным командам свободные дали штыки.
На Вальхалле найдут, яко должно, пускай наши тени
В азиатских одеждах угрюмые гробовщики.

Век туда мы стремились, небесные били фиолы
С золотыми нектарами, викингов чтили за их
Неподкупность и честность, еще авестийские школы
Наш урок разберут, буде мертвых пречтут и нагих.

Север Азии мил, а в раю лишь едины когорты,
Краска смерти сотрет основные земные цвета,
Что за яд изорвал нетлеенные эти аорты,
Скажет Вакх нам скорей, скажут бренность и славы тщета.

Одиночество в мраморе кармном легко небодержцам,
Слишком долго свои мировольные узы несли
Мы к оцветникам райским, теперь и речем громовержцам,
Небо полнившим вечность, чтоб те не касались земли.

Знаю я, кто убил и меня, и могильщиков оных,
Бедный Йорик очницы вперяет пустые из тьмы
В тени жалкие ал, в турмы мертвых, на шатах зеленых
Мало будет свинца, северяне добавят сурьмы.

Той багряной сурьмы, от которой пьянели царицы,
Молодые наложницы делались мела белей,
Фазтон улетел, но иные гремят колесницы,
Рим не любит молчанья и антики шумен келей.

Нас рабыни любили, а профили грешниц и ныне
Светлый рай украшают, нимфетки не знают времен,
Посмотри, посмотри, как за нами в тартарской пустыне
Совлачатся они, как у наших стенают рамен.

Станем ими опять любоваться, доколе возможно,
Забывать ли сейчас меловых и рыдающих дев,
Нас любили они, а теперь благочестие ложно,
Вот и плачут пускай, тени царские в мгле разглядев.

Белладонны для всех напасли и вина данаиды,
В арманьяк и рейнвейн пусть глядятся ловцы жемчугов
Из летеиских каналов, исторгнут и тени Аиды,
Жемчуг свой подберем, хватит льда для каверных слогов.

Но молю, не сдвигай свечи ненависти к изголовью,
Может, встретимся вновь при зажженных во славу свечах,
После смерти полюбят меня, но такую любовью,
От которой застынут и слезы в кровавых лучах.

Сарматский реквием

Во льдах сердец, в сих глыбах плитняков
Не высечь и во имя искупленья
Сокрытые склепеньями веков
Святые искры вечного моленья.

Гранил их серный дождь, летейский вал
Онизывал свечением узорным,
О тех вспоминать, кто забывал,
Чтоб все могли пред огнищем тлетворным.

Бездушные теперь гробовщики,
Глазетом ли украсить наши гробы,
Хоть розовые паки лепестки
Идут ко винам августовской пробы.

Нам отдали цветы свой аромат,
Как грянем в барбарийские кимвалы,
О Боге всплачет горестный сармат,
Эллин узрит иродные подвалы.

Тем ядрица багряная мила,
Пусть пирствуют алкающие манны,
Содвинем тени кубков у стола
И бысть нам, потому благоуханны.

Тлеением и оспой гробовой
Делятся не вошедшие в обитель,
Кто в колокол ударил вечевой —
Окровавленный Фауста губитель.

Распишет вечность древние муры
Скрижалями и зеленью иною,
И челядь разожжет золой костры,
А вретища заблещут белизною.

Горенье это высь нам не простит,
Искрясь темно в струях кровеобильных,
От мертвого огня и возлетит
В бессмертие зола камней могильных.

Тогда преобразимся и легко
Всех проклятых узнаем и убитых,
С валькирьями летавших высоко,
Архангелов, задушками совитых,

Из басмовых адниц по именам
Веками окликавших, Триумфальных
Им дарованных арок временам
Кровительство раздавших, буцефальных

Влачителей своих у Лорелей
Оставивших в табунах кентаврийских
Для красного купания, полей
Не зревших елисейских, лигурийских

Не внявших арф высокую игру,
Бежавших от Иосифа Каифы
В Кесарию Стратонову, в миру
Венчавших тернием славские мифы,

Иосифа Великого одно
Карающей десницы не бежавших,
Эпохи четверговое вино
Допивших и осадок расплескавших

Серебряный по битым остиям
Сосудов, из которых пить возбранно,
Украшивших собой гниlostных ям
Опадины, зиять благоуханно

И там не оставляя, огнем вежд
Когорты себастиийские и турмы
Итурейские пирровых надежд
Лишивших, всевоительные сурмы

На выцветшие рублища прелив,
Замеривая ржавые кирасы,
Страшивших костяками под олив
Шафрановую сенью, на атласы

Победные уставивших амфор
Хмельное средоточье, фарисеев,
Алкавших кровь и вина, пьяный ор
Вносявших до лазурных Элисеев

И жаждущих не мирности, но треб,
Не веры миротворной, а глумленья,
Их жалуя крестом разорный хлеб,
Лишь кровию его для искупленья

Порочности смягчая, не коря
Отступников и друзей кириафских,
Алмазами чумные прахоря
Бесовских содержанок, иже савских

Обманутых царевен, от ведем
Теперь не отличимых, во иродстве
Рядивших, тени оных на Эдем
Вести хотевших, в дивном благородстве

Не помнящих губителей своих,
Уродиц и юродников простивших,
Чересел и растленных лядвий их
В соитии веселом опустивших

Картину чуровую, жалкий бред
Отвязных этих черм и рогоносцев
Не слышавших и звавших на обед
Фамильный, где однех милоголосцев

Дородственных, любимых сердцем душ
Собрание молчалось, разуменье
Несловное являя, грузных туш
Блядей не уличавших, а затменье

Головок божевольных их, козлов
Приставленных напарно возлияний
Не видевших урочно, часослов
Семейный от морительных бляений

Всего лишь берегущих, за альбом
Именной векопестованной славы
Судьбою расплатившихся, в любом
Позоре отмечающих булавы

И шкипетра сиятельную тень,
Взалкавших из холопской деспотии,
Блажным очехладительную сень
Даривших и утешные литии,

Хитона голубого лазурит
Признавших и убойность разворота,
О коем чайка мертвая парит,
Бредущему чрез Сузские ворота

Осанну певших, честью и клеймом
Плативших десно скаредности рабской,
Визитным означавшихся письмом,
Духовников от конницы арабской

Спасавших, смертоимное копьё
Понтийскому Пилату милосердно
С оливою подавших, на цевье

Винтовия их смерти безусердно

И тихо опиравшихся, в очах
Всех падших серафимов отраженных,
Удушенных при черемных свечах,
Сеннаарскою оспой прокаженных,

Еще для Фрид махровые платки
Хранящих, вертограды Елионской
Горы прешедших чрез бередники,
Свободных обреченности сионской,

Но мудрости холодного ума
Не тративших и в варварских музеях
Трезвевших, на гербовные тома
Взирающих теперь о колизеях

Господних, сих бессонную чреду,
Злопроклятых, невинно убиенных
Узнаем и некрылую орду
Превидим душегубцев потаенных,

Содвигнутых на тление, к святым
Высокого и низкого сословья
Летят оне по шлейфам золотым,
А, впрочем, и довольно многословья.

Офелия, взгляни на ведем тех,
Встречались хоть они тебе когда-то,
Грезеточных бежались их утех,
А всё не убежали, дело свято,

Под ним когда струится кровь одна,
Лазурной крови нашей перепили
Черемницы, но прочего вина
Для них не существует, или-или,

Сих выбор скуден присно, потому
И сами распознать угрозы темной
В серебре не сумели, по уму
Их бедному не числили заемной,

Точней, неясной крепости сиих
Удушливых объятий, а позднее,
Узнав природу чаяний мирских,
Обманов ли, предательств, холоднее

Каких нельзя еще вообразить,
Прочения, зиждимого во аде,

Убийственную сущность исказить
Уже не были в силах, чтоб награде

Кружевниц тьмы достойной передать,
Соадский уголок им обиходить,
Забуть козлиц пергамент, благодать
Льетса аще к нам, но хороводить

Оне серьезно, видимо, взялись,
Упившись кровью агнецев закланых,
Досель, смотри, вконец не извелись
Бесовок табуны чертожеланных,

Пиют себе пускай, близнится час,
Как их мерзкообразные хламиды
Спадутся сами, движемся под пляс
И оры буйных фурий, аониды

Простят нам беглость почерков, химер
Картонных экстазийные ужимы
Умерят и смирят, и на манер
Музык небесных, гением движимы

Сибелиуса, Брамса ли, Гуно,
Волшебного Моцарта, Перголези,
Неважно, отыграют нам равно
Кантабиле иль реквием, а рези,

Оставшиеся в небе от черем,
Запекшиеся в пурпуре собойном,
Сведут могильной краскою, чтоб тем
Барельефную точку на разбойном

Пути явить наглядно, и цемент,
Крушицу мраморную либо глину
Внедрят, как экстагический фермент,
В иную адоносную целину,

Где место и убежище найдут
Прегнилостные гусеницы снова
И патинами сады обведут,
Где каждой будет адская обнова

Примериваться, Фриде во урок
Платки грудные будут раздаваться,
Тому положен промысел и срок —
Без времени чермам собороваться.

Без времени их адские столпы

Аидам в назидание алять
Кримозно станут, гойские толпы
Кося, чтоб звезды розовые сеять.

«У Господа на каменных коленях...»

У Господа на каменных коленях
Вольно в крови младенчикам сидеть,
Во райских отражая зеленях,
На Боженьку восторженно глядеть.

Ах, смерти мы не ждали в воскресенье,
Случайно погоститься забрела.
Всё видели чудесное спасенье,
Серебро изливали в зеркала.

Бредем вот по нескошенному лугу,
Над каждым свой веночек возгорит,
Она здесь не препятствует досугу,
А коску сорным точивом острит.

Вороны позасеяли прокосы,
Слилися с колосками сорняки,
И смерть свои отбеленные косы
Вплетает в те нещадные венки.

«Предъявилась пурпурная дива Христу...»

Предъявилась пурпурная дива Христу,
Отражаясь в терничных очах.
Здесь и Смерть поднесла перстный палец ко рту:
«То ли царствие в горних лучах?»

Сыне, Лазарь давно в смрадной яме изгнил
И с распятия Тебе не сойти.
Мертвый первенец мертвых зачем хоронил —
Все на свадьбу пришли во плоти.

Зрел Господь, как безумная бросила мать
Чернорозный венец в колыбель,
Как трапезники стали костями снимать
Со невесты венечную бель.

И был венчан по смерти возлюбленный Сын,
И Его закатилась Звезда,
И теперь с утопленных в цветы крестовин
Черных роз не сорвать никогда.

«Лазарь шлях указывает к огню...»

Лазарь шлях указывает к огню,
Скорбь зальем не слезами, так водкой
И на смертную выйдем стерню
Величавою царской походкой.

Нам в четверг суждено умереть,
Потому не страшись воскресений.
Белый снег и во гробе гореть
Будет светом чудесных спасений.

Всё боялись наперсники лжи
Чайльд Гарольда узнать в гордой стати,
Ненавидели всё, так скажи,
Чтоб шелками стелили полати.

Лишь однажды поддавшись слезам
Фарисейским, пустым уговорам,
Мы погибли, как чернь к образам,
Соль приглась ко святым нашим взорам.

Мы погибли и в твердь фиолет
Не вольем, крут гостинец окольный,
Но для Господа правого нет
Мертвых, свет и заблещет – престольный.

Всяк воскреснет, кто смерть попирал
Новой смертью, мы ж в гниль окунулись
Здесь еще, слыша адский хорал,
И смотри, до Суда не проснулись.

В ямах нас багрецом обведут,
Но не выжгут вовек Божьей славы,
Эти черные взоры пойдут
К звезд алмазам – для мертвой оправы.

«Всерайские рулады не свернуть...»

Всерайские рулады не свернуть,
Их выточив голубками со краю,
Нам эльфы по струнам басовым путь
Укажут к отвоеванному раю.

Иллюзии утратились одне,
А рая мы еще не потеряли,
Сколь истина в худом всегда вине,
Цари свое видения сверяли.

Веди ж к вратам иль мимо, Элиот,
Не молви о надежде, речь остави,
Нам ангелы серебрили киот,
Гореть в каком лессированной яви.

Вольно от рая в сторону уйти,
Левее тлятся куполы Аида,
Направо всех к чистилищу пути
Ведут с неотвратимостью боллида.

Певцы теперь ответны за обман,
Не ведают и днесь о чем творенья,
Навеяли сиреневый дурман
Глупцам, лишив их собственного зренья.

Иное там, иное и не то,
Свидетельствовал Грек и с Греком иже,
Как миновать предрайское плато,
Без ангелов теней явиться ближе.

Что правда, паки истинно гореть,
Затепливаться станем, яко свечки,
Нельзя еще неречным умереть,
Сордим хотя акафистом сердечки.

Дарован был труждающимся рог
Мирского изобилья, дарованны
Судилище царям, пиитам слог,
Которым ангелы соборованны.

Им здесь распорядиться удалось
Немногим, а и как распорядиться
Талантом, если пиршество свелось
К попойке, не смешно ль таким гордиться.

Не будем сих речителей судить,
Трудами пусть молчанье искупают,
Глядишь, одни взялись хлебы сладить,
Другие красных жеребов купают.

Бессмертие оспаривать нельзя,
А периев тяжеле событийность,
Влечет любая избранных стезя
Туда, где расточается витийность.

Хотели песнью торжища лечить
И в каверы свои же угодили,
Нельзя ловушки эти отличить,
Засим чернилом сердца туне рдили.

Смотри, днесь панны с вишнями во ртах
Летают и цвета гасят золою,
И даром о серебряных крестах
Пииты гонят челядей метлюю.

Излитый мрак виется тяжело,
Бледнея пред победными дымами,
Аидовскою тенью на чело
Ложится твердь – она вовеки с нами.

Молчи, елико все временщики
Днесь могут лгать о праведной любви,
Не ведают и эти языки,
Какими вдовых сватали свекрови.

Воспенит слезы наши мертвый цвет,
Прожгут их жала в кубках богомерзких,
Тогда и змеи выползут на свет
Из похв да изо ртов сех изуверских.

Мешали всё о праведности речь,
Боялись непреложных откровений,
И стали мы безмолвствованьем жечь,
Цезуры отделив от песнопений.

Свечами ночь светить повремени,
Втще искушать воительные громы,
Текут пускай сиятельно огни
Из вежд моих – во черные хоромы.

«Не умираги нам в зеленом...»

Не умираги нам в зеленом,
Смарагдов смерти не дарить.
Мы будем в золоте червленом
Звездой пред Боженькой сорить.

И дорогие ж те пурпуры,
И красят намертво оне.
Зело деревия понуры,
А мы в их точимся огне.

Всё лихоимно урывают
Волхвы цветочки со венков,
И бель ромашки выливают
Из позолотных лепестков.

Дали мы ауру музыцам,
Излили крови за Христа.
Ах, ко отбельным нашим лицам
Пойдут червонные цвета.

«По контурам блуждающих огней...»

По контурам блуждающих огней,
Змеиным жалам и горящим косам
Нам выход в царство мертвенных теней
Укажут, яко мрамор камнетесам.

Пройдя врата в порталном серебре,
Персты утопим в перстни и браслеты,
На золотопокрасочной коре
Заблещут огнелистные букеты.

Встречай гонимых странников, Аид,
Князей хмельных сокликивай на тризну,
Прявились мы в сонме аонид,
Сынки мертвые зреют ли Отчизну.

Пусть мается без царичей она
Иль, может, о Ироде веселится,
И нам несите ж горького вина,
Мгновение одесное пусть длится.

Коль здравствуют иродников толпы,
Зеркала не увиждят крысолова,
Свое нерукотворные столпы
Взнесем помимо детища Петрова.

Честно хотели Господу служить,
Пенаты благоденственные славить,
Но время не пришло елику жить,
Демонов станем песнями забавить.

Главы и полотенца с плеч долой
Слетели, встречай теперь успешных
Героев, диамантовой иглой
Языцы протыкай сиих блаженных.

Духовничества сказочную стать
Вновь ложный свод багрит и яд столешниц,
Мы будем о любви воспоминать
И чествоваться профилями грешниц.

Ступают дивы белые легко,
Цитрарии под узкими ступнями
Еще благоухают высоко,
Виются за понтонными огнями.

Здесь камень бренный – памятник блажным,
И праведники тьму загробных далей
Очами выжигают, чтоб иным
Помочь найти святой багрец скрижалей.

Морок его непросто различить,
Скрижали сами тернием увиты,
Лишь свет начнется пелены точить
Смугою, значит, близко лазуриты,

В каких еще брадатый Моисей
Сверкает и беседует с мессией,
А снизу торговец и фарисей,
Распятые позднее Византией,

Темно глядят на Господа Христа
И, празднуя всехрамовые торги,
Софиста-книгочея от листа
Ночного отрывают для каторги

Воскресных пирований и трапез
Недельных, тайных вечереЙ отмольных,
Эпохами влекомых под обрез
Лжетворных фолиантов и крамольных,

Скорей, Огюст, невежественных книг,
Беспамятству сонорных эпитафий,
Угодных душам выбритых расстриг
И желти битых временем парафий.

Так вот, чтоб смысла нить не утерлял
Читатель терпеливый, лазуриты
О первом приближении сверял
С реальною картиной Маргариты

Избранник, Гретхен юной проводник
В миры иные разве, прорицатель,
Целованный Христосом ученик,
Никак не краснокнижник и писатель.

А мы, заметим только а ргоро,
У них во многом черпали науки
Миражность исторической, скупю
Сегодняшнее время на поруки

Небесные, учености самой
Задето нарицательное имя,
Грозят недаром тирсом и сумой
Века тому, кто Господа приима,

Об истине решился гласно речь,
Глас трепетный возвысил, от юродства
Хотел молодых героев остеречь,
Явил пример земного небородства.

Одна тому сейчас награда есть,
Посох незрячий с патиной темницы,
Сочли б витии древние за честь
Такое жалованье, но страницы

Истории новейшей не пестрят
Геройства образцами, низких тюрем
Временщики бегут и мир дарят
Письмом, всечуждым золота и сурем,

И даже на примере вековом
Контактов человечества с Аидом,
Нельзя теперь хвалиться торжеством
Ученой достоверности и видом,

Хоть внешне соответствующим тьме
Библейской, о которой и горели
В злаченном багреце иль суреме
Скрижали, кои праведники зрели.

Простит ли мне читатель записной
Письма и рассуждений тривиальность,
Но в башне под опалю свечной
Одну внимал я мрачную сакральность

И видел, что с Фаустом нам вкушать
Лазурные и черные текстуры,
Дилеммы безответные решать
С химерами темниц и верхотуры.

В потире лишь осадок ветхих бурь,
Слезой обвитый, цветом ли чешуйным,
И мы узрим, как черную лазурь
Двуперстием пробьет кровавоструйным.

«Райски яблоки нам подавали ...»

Райски яблоки нам подавали —
Пад гнилой и с резьбою шеста,
Царедворцы во лбы целовали,
Прожигая лобзаньем уста.

И черно ж целование это,
Возлетает одно воронье.
Заточило последнее лето
На тебя золотое копьё.

Но когда мы излить захотели
Сокровенные слезы пред мглой,
Белоснежные чайки слетели
Ко хоругвям, побитым золой.

Что забыли псалмы и молитвы —
Грянет час вспоминальных речей,
Как прольем на двуострые бритвы
Кровь и слезы из мертвых очей.

Нисхождение в Аид

Мы конусы огней соединить
Пытались, но окончились мытарства,
Сквозь тени бледноогненная нить
Сочится за Аид во славу царства.

Иль сочиво днесь Паркам оборвать,
Гранатовую панну отревожить,
Здесь царствие – так станем пировать,
Начиние затравленное множить.

Нам демоны сугатные хлебы
Ищедно напасли, чтоб веселиться
Могли черноизбранники судьбы,
Пока в любого ангел не вселится.

Пеющих востречай, хмельной Аид,
Веди в свое подземное склепенье,
Доколе ж Кателинам аонид
Испытывать ангельское терпенье.

Мы долго премолчали, так воспоем
Сейчас хотя загробные пенаты,
Эмилия с Шарлоттою вдвоем
Пускай нас и влекут сквозь цвет-гранаты.

И ты, скиталец сумрачный Мельмот,
Я тень узнал твою, иль здесь ты плачешь,
Зерцальники в серебряный киот
Кладешь и слезы гнилостные прячешь.

А дале Босх загадочный молчит,
Над масляными красками колдует,
И Майринк глину красную точит,
На голема тлетворностию дует.

Горят весной подсвечные снега
И красят ночью, яко жемчугами,
Тяжелые двойные берега,
Вовек они теперь пребудут с нами.

Терзанья равновечно тяжелы,
Их дарствуя лишь ангелам всесвятым,
Мы высветим все темные углы
Вот этим присным снегом желтоватым.

Простишь ли ты, очнешься – исполать
Величию, пронесенному мимо.
С улыбкой ледяной вспоминать
О смерти и весной непозволимо.

Потворствовать, возможно, есть один
Расчет, елику ты лгала впервые,
Топи ж в худом вине апрельский сплин,
Спиртовки пусть гранят персты о вые.

И здесь, читатель милый, аонид
Немолчный слыша лепет, их внимая
Благое шелестенье, сам Аид
От верхних колоннад (не поднимая

Сей шелест выше), бастровых венцов,
Червовых вензелей, архитектурных
Излишеств явных, чурных изразцов,
Рельефных неких символов текстурных,

От знаков барельефного письма,
Известного Эжену иль Паоло,
Барочных арок, вязкая тесьма
Каких еще порхающее соло

Орфея, иже с Марсием, иных
Певцов небесноизбранных глушила,
От мрачной верхотуры неземных
Сокрытий, чья визитница страшила

С Аваддоном летящих ангелков,
Без времени, увы, падших со неба
От маковки, унылостью веков
Замеченной (ее любила Геба

Из горних анфилад гостям хмельным
Показывать), от верха до тамбура
Вязничного, с номером именовым
Для грешника любого где канура

Всегда к принятию выклятых теней
Иль прочих, Дантом вспетых и убогих,
И в аднице великих, а за ней
Жалких, готова, впрочем, о немногих

Мы знаем, это кстати, а рассказ
Лишь в тождестве логическому смыслу
Ведя, продолжим, пару беглых фраз
Сказать о нижнем строе, по умыслу

Четы царской, строители должны
Были когда-то мрамор среброкрошный
Пустить фасадом, смертные вины
Вплести вовнутрь, но Йорик скоморошный,

Шут верный их, один из тех чертей,
Какие нам являются порою
С искусствами пустыми, областей
Адских жалкососланники, герою

Опасные навряд ли, этот червь
Аиду помешал проект гламурный
Удачно завершить, ждала бы вервь
Отказника (он пыл архитектурный

Бригад мастеровитых умерял
Своею непотребною забавой,
Кривлялся, прекословил, умирал,
Короче, злонизменностью лукавой

Достиг-таки итога, мастера
Фатумные просчеты допустили,
Свела фасад яркая мишура,
А нужные виньеты упустили

Тогда из вида, в аде скоморох,
Напомним, не юродивый блаженный,
Аид ему, как сказочный Горох,
Колпачникам величественным), бранный

Свой путь, однако, сам не завершил
Смятель, верви мертвым не угроза,
Судьбу векопрестойности решил
Урок банальный, смерти эта проза

Не может ныне грешных волновать,
А Кора долго после уповала
На случай, чтобы вновь обосновать
Соборище, торжественность подвала

И трауры его засим ввести
В орнамент некой дивною лепниной,
Финифтью грузной сжечь и воплести
В наружные, сопрятанные глиной

Червонною фасадные углы,
Сей замысел не знал осуществленья,
Вкруг камор парфюмерные столы

Сейчас расположились, преломленья

Огоней тусклых замков внутрь глядят,
Расцветные столъницы окружают,
Химерники не пьют и не ядят,
Но лавры лицедейские стяжают,

Меллируя терничные главы
Иль губы обводя немые мелом
Карминовым, рассчитанным, увы,
На действие непрочное, уделом

Таким, а экзерсисов меловых,
Таинственных и грозных превращений
О гриме накладном среди мертвых
Учесть нельзя, сподвигнуты учений

Мистических магистры, ворожей
Черемных накопления, а с ними
Их спутников и каморных мужей
Летучие отряды, за сиими,

Обычно управители ночных
Казнений и расправ следят урочно,
Не будем иерархии свечных
Князей лишать секретности, несрочно

Теперь и это знание, ни к чему
Сейчас и описание адницы,
Традиций бытования к уму
Земному доводить, смотри, червницы

Свое иные ведьмы уж давно
Оставили и тешатся над нами,
Елико до конца не сочтено
Число их и возможности за снами

Дурными нам являться не ясны
Предельно, молвить будем осторожней,
Итак, напомнить время, яко сны
В полон еще не взяли всех, надежней

Поруки нет надмирной, аонид
Немолчный слыша лепет, их внимая
Благое шелестенье, сам Аид,
Рефреном вторю, насквозь пронимая,

Оно, их шелестение и речь,
Какую бедным словом не означить,

Дают опять подсказку мне, сиречь
Пора, читатель трепетный, иначе

Письма виньетный каверник и в строй
Суждений ввесть одну хотя бы тезу,
Яснить какую нечего, порой
Присутствие такое ко обреза

Обрезы чернокнижные стремится
Единому и Герберт Аврилакский
Быть мог бы солидарен с тем, томит
Нас знание большое, а релакский

Всегда бывает к месту вольный чин,
И быть сему, немолчности приветим
Течение, средоточие причин,
Молчать велящих, благостно заметим

И, муз подсказку вечную блюдя,
Умолкнем, не сказав и полуслова,
Не сорван перст всевышний со гвоздя,
А речь ли недоимцам часослова,

А речь ли посвященным, иль молчать
Сим стоит благотворно и свободно,
В тезаурусы бойную печать
Подставят ангелы и благородно

Теперь не возалкают, горловых
Довольно течей, патины убудет
Сребристой о свечах, тогда живых
Мельмот ли, чернокниженник забудет.

Нагорные листая словари,
Которые нам кровью слог исправят,
Лишь я мог речь – иди и посмотри,
Как точку огневую в жизни ставят.

«Со звездой ли Полярною во лбах...»

Со звездой ли Полярною во лбах,
С черной розой ли, нам повелели
Истлевать до Суда во гробах
Ибо листья в крови возжалели.

Столь высоко парили оне,
Столь кружились медлительно втуне,
Что заплакали мы о весне,
О губительном красном июне.

Расписали соцветия в кровь,
Огnezвездны эльфийские хоры,
Тяжелы у августа любовь
И манеры больной Терпсихоры.

Отрок глаорию нежно поет
И пурпурою Божьей гордится,
Разве славка гнездо не виет,
Разве бойный цветочник не рдится.

Ритуальную зелень гнильца
Овекает дыханьем тлетворным,
Всяк погибнет, не зная венца, —
Тот венец будет огненночерным.

Слышишь, демоны воют в аду
И зовут мертвоокого Вия,
Лишь для алчущих в первом ряду
Вечность рушит сия литургия.

Окунулись в геенну, ан все ж
Воспылали и к нам нелюбовью,
Тени рук в жалах стонущих рож
Лед подсвечный снесли к изголовью.

Горькоструйные лики горят
В померанцах загробных видений,
Совершаем последний обряд,
Тяжек он для всеангельских бдений.

Выше смерти проткнувший нас шпиль,
Не златистопурпурный путрамент
Пролил Бог, но осеннюю гниль
На веков желтоватый пергамент.

Только ангелы тронны гробы
Вскроют – звезды и выпалят лозы,
Осенив белоснежные лбы
И нетленные черные розы.

«Не плачь, накликай беду...»

Не плачь, накликай беду
И ревность будя Персефоны,
Горят струйной кровью во льду
Все бусы твои и кулоны.

Из черного снега они,
Алмазною твердью гранимы,
Искрятся, и только взгляни —
Подходят к камням этим зимы.

А что может лучше пойти
Ко пурпуру с хвойников крымских,
Нельзя и сокрестье пути
Преминуть без крыл серафимских.

Я в мертвенном взоре держал,
Молясь, лед высотного злата,
Бери ж, ибо все обещал,
На память два звездных карата.

Не выпалить вечности их,
Навек теперь, яко в Завете,
В очах драгоценных твоих
Зажглись чернозвездные нети.

Аурность мглы

Когда святые выси отражались
На тернине кандалного пути,
Мы с патиною медленно сливались,
Не чаяли стезей иной идти.

Преложны ледяные эти свеи,
Зерцало вседвоит великий путь,
Удавки ль обвивают цепко шеи —
Нельзя ко небоцарствию свернуть.

Нельзя его и узреть богоданно,
Елику поалмазно сочтены
Альфийские светила и огранно
Серебро, истемняющее сны.

Последние осветлены притворы,
В розариях горит уже зола,
Светила наполняют мраком взоры,
А бездна, яко солнце, возлегла.

Висят над светом тяжело цеппелины
С архангелами, в благостные дни
Каленой желчью выжегли нам спины,
Под рубища их врезаны огни.

Смотри на сих желтовниц выступленья,
Опомнится еще адская рать,
Преступника на место преступленья
Влечет и мертвых царичей карать

Армады возалкают рогиносных
Существ, натурой дивной из иных
И вряд ли нам знакомых нетей, косных
Звучаний исторгатели, земных

Каких-нибудь знакомцев бесноватых
В них тщетно узнавать, елику мы,
Коль знаем таковых, зеленоватых,
Шафрановых, басмовых, суремы

Красной тесьмами грозно перевитых,
Облупленных по желти, перманент
Ссыпаящих из веек плодовых
Небожно, под асбесты и цемент

Закатанных, а всё мироточащих
С образницами Божиими, тех
Альковных искусительниц, кричащих
Полунощно, просительниц утех

И спутников их морочных немало,
Я думаю, губитель Аваддон
Картине удивился бы, зеркало
Могло б когда серебряный поддон

В патине амальгамной опрокинуть
Вальпургиевой ночью и ему
Явить блажную публику, раскинуть
Умом, сколь провожают по уму,

Мгновенно объяснение теоремы
Аидовской придет, искажены
Черемы, иже с ними, и суремы
Не нужны, чтоб увидеть правду, сны

Кошмарные со мраморною крошкой
Пииты навевали без конца,
Но с умыслом, холодной морошкой
Засим тешились, красного словца,

Естественно, черницы не боятся
И образы маскировать свечным
Восковьем, глиной кармной не спешатся,
Грешно им пред собранием иным

Рога свои крушить, персты калечить
Серебром битым, черепы менять
В огне безобразном, не перечить
Сказителям удобней, затемнять

Бесовскую природу, сих огулом
Нечасто выпускают, из адниц
Собраться в увольнительную с дулом
Кривым, ножом зубчатым черемниц

И гоблинов зовут мирские тени,
По счастью, вояжи не часты
Подобные, браменники от лени
Приглядывать за шельмой на версты

Какие-то баранов отпускают
Наряды, возвращались к ним всегда
Портретники, музыки, чьи ласкают
Звучания и мертвых, невода

Пустыми не бывают, свет не имут
Успенные, а празднует покой
Их избранная часть, когда вознимут
Вверх сколотые очи, под рукой

У князя присно виждятся химеры
Сумрачные, таинственные мглы
Сих кутают, правдивые размеры
Нельзя соотнести с виденьем, злы

Бывают необузданные панны
И этим разве в истине точны
Певцы нощные, тьмы благоуханны,
Когда скопленья ведьм отражены,

Всегда лишь по причине средоточий
Поблизости эдемских мертвецов,
Царевен спящих, ангелов ли прочий
Творец, а в мире тесно без творцов,

Решит отобразить – невод не полон,
Тогда чермы текутся в оборот,
И вот уже канун творенья солон,
А дело на крови прочней, Саррот

Еще плоды вкушает золотые,
Эдемы плачет Элиот, а нам
Привносятся образницы святые
С нечистыми вокупе, к письменам

Достойным совокупит бес виденья
Черемные, а сказочник благой
Типажи юрового наважденья
Спешит раскрасить маслом, дорогой,

Признаться, тот подарок, знать возбранно
Реальные личины, так бери,
Доверчивый вкуситель, хоть и странно
Мерцание, чудные словари,

Холсты темнолукавые, клавиры
Сюит, барочных опер, скорбных фуг
Кримозные на память сувениры,
Узнай еще тезаурусов круг,

Сколь мало девяти, и те по сути
Вертятся от лукавого, оси
Не видно, прибавляй нетенным жути

Миражам и келейных выноси,

Несложно это действие, в итоге
У нечисти история темна,
Кто более реален, кто о роге
Мифическом, ответит седина

Хомы-бурсиста, Гете, Дориана,
Меж званых Иоганн других верней
Свидетельствовал правду и обмана
Призрачность вековую, для теней

Окармливаемых неважно предстоянье
Условное, раскрасочных высот
Бывает веселее осмеянье,
Чем истинное зрелище красот

Божественных, чурным недостижимых,
Тогда оне роятся и орут,
Светилами небесными движимых
Миров алкают благости, берут

Инфантов, светлых рыцарей отцами
Не звавших, потаенных, даровых
И празднуют молебны с мертвецами,
Блуждавшими еще среди живых

Во оные трехдневия, для Брутов
Страшны такие бденья, меловой
Здесь круг и не поможет, аще спрутов
Герой не остановит, но живой

За мертвых не в ответе, на гамбиты
Чертовские порою отвечать
Преложно сильным ходом, корной свиты
Уместнее движенье замечать,

Не более, а древние гречанки
Труждаются пускай, ко мифу миф
Сложится в требник, наши диканчанки
Салопы только скинут, вмиг Сизиф

Прервать велит девичье мурованье
Орнаментов досужих, сонник их
Велик не по образу, воркованье
Способно утомить сейчас плохих

Танцоров, дабы пифий огневержье
Низринуть, ярче свечи затеплим,

Черем обманно в мире самодержье,
Пожар сухой в гортанях утолим,

На то и бал зеркальный, благотворность
Чудесных возлияний чернь щадит,
Ясна когда ведемская упорность,
Какой сказитель пустоши следит,

Пусть балуют ужо, личин рябушных
Не станем даже в серебре узнавать,
Гремлинов пустотелых и тщедушных
К чему урочить, время пировать,

Сколь надобность возникнет, в ноздри донне
Мелированной перец белый ткнуть
И стоит, мышьяку иль белладонне
В бокале скучно будет, преминуть

Давно, давно пора немые страхи,
От перца отшатнутся черемы,
Иль весело опять лихие прахи
Сурочить маслом розовым, умы

Тех жалкие существ, лишь злостенанье
Эпиграфом их бдений бысть вольно,
Одесные же наши сны и знание,
Нести сюда корицы и вино,

В гранатовой ли, серебряной виньете
Порфирные куферы тяжелы,
За Ледою отхочется и Нете
Корить винодержащие столы,

Желтовную образницу сокроем
Сиренью пятиалой и умрем,
Архангелы ль возжертвуют героем,
Опять червницу бойную утрем,

Осыплем перманент на табакерки,
В киоты пудры бросим и гулять
Начнем о мертвой черни до поверки
Иной, и станем куфры утомлять

Серебряные водкою, куфели
Вновь полнить цветом алым, золотым,
Со ангелами белыми препели
Мы ношно, всеу денно петь святым.

«Персты в крови, саднит веретено...»

Персты в крови, саднит веретено,
Днесь царственные не пошьют одежды,
Любя лишь красноезвездное вино,
Мы пестовали им и мраком вежды.

И был нам этот морок тяжелей
Альковниц и лядвийски пышных чресел,
Сокнязь полнощный байховый елей
Щедро сливал на тех, кто любовесел.

Фригидные красавицы теклись
В зеркалах и альковы пречернили,
С Мефисто мы надеждами сочлись,
По нам ли бомы чурные звонили.

Надежды выше в мире шпиля нет,
А сей равно поруган и заржавлен,
Эриньи днесь звонят в фернальный свет,
А царь тресвятый ношно обезглавлен.

Украшенные присною парчой,
Перманентом ее, чудские дали
Дожгли мы поминальною свечой
Ан мальчиков кровавых не узнали.

Звездой кто освещен, тот и простерт,
Печалься, аще смерть верхами косит,
Когда судьба на чашечный офорт
Карминные созвездия наносит.

Пусть брашна августовские несут,
Пусть мертвые те чаши золотятся,
Нас мальчики эльфийские спасут,
Елику вознеслись и всесвятятся.

Мы с августом еще договорим,
Вино его холодное оценим
И выпреннее чудо сотворим,
И смерти худородной не изменим.

Безмолвных ликом белую эмаль
Не гасит цветность милованной краски,
Горит во снах сакральная печаль,
Раздаривает Божеские ласки.

Успением сладя мирскую ложь,
Влекомая уж безднами иными,
Ты черные одежды распахнешь
И кровь одна преявится под ними.

«Луч забвенья блеснет – звездной славы рассыплется...»

Луч забвенья блеснет – звездной славы рассыплется
цепь,
Ершалаима тень ляжет пеплом на зелень Медины.
Вековые смарагды святили болота и степь,
Города и погосты, а ныне пронзают руины.

Навсегда осыпается проклятый вечностью цвет,
Маргаритки вплетают в венки тем, кто книжно бесплотен.
Эти звезды по-варварски будут судить черный свет
И огнями полоть сорняки белоснежных полотен.

Эти звезды черны, только для ожерелья тебе
Хватит блеска у них, возгоравшихся над слободою,
Если камни воздвигнут надгробье последней мольбе,
Ты его освещай перемененно с Полярной звездой.

Север, север парчовый, его ли дыханье пьяней
Богоносной чумы, италийских цезурных фиолов,
Долго ангелы нас берегли, апрометных огней
Днесь уже не прейти, не горит и подсвечник Эолов.

Лет валькирий тяжел и стозвучен, бессмертие нам
Уготовано было, но прочат уделы иные
Мертвым вечным певцам, а цветочки обрядные снам
Пусть ауры дают, аще красны юдоли земные.

Ничего боле здесь не затлит мишуру декабря,
Нет и елей для нас, так равно ангелки уповают,
Свечки дарствуют всем, кто возносит еще прахоря
К неботверди в мечтах, с кем ночные певцы пировают.

Были музы ко мне милосердны и щедры всегда,
Налетали сильфиды иль пифии грузно горели,
Десно строфы теклись и алмазная рдела Звезда
Над свечницей ночной, ссеребрились теперь акварели.

Сколь за Слово платить не серебром, а кровью, пускай
Не рыдают хотя божевольные эти камни,
Иисусе-Цветок, мертвых певчих в лазурь отпускай,
Нам не будет одно меж святых псалмопевцев замены.

И почто за бессмертие плату уродцы берут,
Сих браменников жалких я видел на ангельских тризнах,
Высоки небеса, а лазурность ли воры сотрут,
Небоцарские тати, душившие дочек в старизнах.

Только нощным певцам, только правым и званым к венцам
По величию шпиль избирается, паки столпница,
Всуе ныне цвести, веселиться хоромным ловцам,
Положенна сословью лукавому смерть-власяница.

Бросим темных алмазов мерцанность, веретищ худых
Несоцветную мреть на Господнем пороге и всплачем,
Хорошо и горели, ищите сейчас молодых,
Тьмой оплаканных певчих, коль звезды и багрие прячем.

За открытые раны, тяжелое золото лир,
За победы имперские и поклоненье бессилью
Нам позвездно воздастся еще и на Родине, Пирр,
Поцелуем в чело иль венком именным к надмогилю.

Псалмы

I

Восстенаем, Господь, в слоте черных иглиц,
А сидят за Тобой фарисеи одесно,
Не узрят ангелки наших траченных лиц,
Звоновые Твои не живятся чудесно.

Ах, высоко лились золотыя псалмы,
Искрашали трухой нищету дарований,
Только сохнут и днесь на хоругвях гурмы
Василечки от сих иродных пирований.

Вижди, Господи, нас, буде слава Твоя
Не превянет-горит, осеняя церкви,
Гордовые певцы умножали ея,
Горла их пропеклись чернотмейками крови.

II

За мытарства ль Христос возжалел
Не прошедших святые оплоты,
Вертоград Гефсиманский истлел
И без шпилей мертвы камелоты.

Васильков полевых не узреть:
На венцах лишь они и сверкают,
Двиньтесь, мытари, всем и гореть,
Разве истинно веры алкают.

Яко минем страстные пути,
В огни темные души вселятся,
Чтоб с любовью нивы прейти,
Где цветки наши палые тлятся.

III

Веночки белые сонимем,
Преобнажим святые лики,
Имен ли, цветности не имеем,
Одно лишь – смертию велики.

Худые крови излиенны,
В очах лазури не осталось,
А звезды Божии нетленны,
Число их парками считалось.

Над перстью ангелы воспрянут,
Над белым цветом закружатся,
И нимбы мертвые протянут,
Во коих звезды обнажатся.

IV

Яко певчим нельзя уцелеть
И преложны венцы золотые,
Так и будемся в тернях алеть,
Кровотлести, елико святые.

Но еще восхотят, восхотят
Голосов божеимных и песен,
И еще ангелочки слетят,
Чтобы узреть: единый не взнесен.

До поры ли молчанье храним,
Изордеет пламень болотный —
Этой аlostью мы ограним
Иисуса венец всезолотный.

V

А и тратно, Господь, наши красить гробы
Васильковым серебром, вешней цвет-озолотой,
Все позорные днесь расписанны столбы
Бойной кровию чад и нисанскою слотой.

Мы слезами вотще на крестах изошлись,
Молодицы в пирах стервенеют безложно,
Со кадящей гурмой колпаками пречлись,
И молиться теперь, и алкати неможно.

Так не смогут одно и перстов окраснить,
Белой краскою мы восписали по черни,
Станут ношно, Господь, колокольцы звонить —
Убелятся тогда наши рдяные терни.

VI

Что хотите еще отнимать,
Мы и в смерти богаче не стали,
Всё претщимся цветки сожимать,
Из которых венец заплетали.

Во среду к нам слетят ангела,
Исполать озолотам их ясным,
Яко тризна у нас весела,

Время рдеться глициниям красным.

Будут мертвые звезды гореть,
И неживы, а света не имем,
И еще положат умереть —
Лишь тогда мы венец этот взнимем.

VII

За эти красные псаломы,
За то, что звезды мертвым светят,
Введут нас в Божии хоромы
И ангелочки всех приветят.

Темно дорожье Иудеи,
Во злате мертвых убоятся,
Алкали крови лиходеи:
И где теперь они таятся.

Где Смерти грозная старизна,
Где Слово – книгу озаглавить,
Красна веселием и тризна,
И ни спасти нас, ни ославить.

VIII

Золота наша Смерть, золота,
К ней мы жизнью всей и стремились,
Век брели от Креста до Креста,
Без огней горнецветных томились.

Но воспыхнут еще васильки
О могилах и звоны ударят,
И сплетут голубые венки
Нам тогда, и червицей подарят.

В крови нашей страстные пути,
Бою их не избыть ледяному,
И такими, Господь, нас пречти —
Не могли мы соцвесть по-иному.

IX

Ах, Господь, мы теперь неодесно сидим,
На трапезных пирах царевати не тщимся,
Иисусе-царя со терниц преглядим,
Во спасительный день ко Тебе и влачимся.

Излетели в лазурь от пиров ангелки,

Благодатный огонь расточен по кюветам,
Только были одно мы всекупно жалки,
Сколь хоромных живить ослепительным светам.

Ныне темен, Господь, светозарный канон,
И горчат куличи, и вино солонее,
И плетется в псалмы боготраурный звон,
Чрез пасхалии Смерть надо златом краснее.

X

Положатся Христу васильки,
Яко роз и шиповья не станет,
Отберем юровые цветки,
Их ли Смерть о тернице достанет.

Будет венчик тяжеле креста,
Пречернее церковных лампадок,
Ах, багряная цветь излита,
Вертоград наш разорен и падок.

И не станется горних огней,
И начинут светила клониться,
И тогда от кровавых теней
Мы соидем, чтоб ангелам сниться.

XI

Мы кровью нети освящали,
Юдоль Господняя широка,
А нас и мертвых не прощали,
И с житий выбили до срока.

Угаснут свечи во трапезных,
Не будут книжники стучаться,
И со трилистников обрезных
Начинет злато источаться.

И возгорать сему листовью,
Христу ль темно, явимся в цвети —
Своей точащею кровью
Обжечь безогненные нети.

XII

Хватит мертвым сирени златой,
Ангелочки ль ее пожалеют,
Были мы во когорте святой,
Всё еще наши тернии тлеют.

Расточатся благие огни,
Соцветут пятилистья в июне,
Так зардеются розы одни,
А горели и святые втуне.

Нет распятий иродских черней,
Та сирень холодит камелоты,
Всем и хватится наших огней,
Сколь не будет для гробов золоты.

XIII

Веселятся, Господь, скоморошья ряды,
Но огнем возгорят червоцветные лиры,
И собили зачем псалмопевцев чреды,
Нечем боле теперь красить эти порфиры.

Василечки-цветы претеклись из корон
Вместе с кровию чад, разделивших мытарства,
Недоступно высок вседержительный трон,
Прозябают в крушне многоземные царства.

Век держали, Господь, нас за жалких шутов,
По успенью внесли в образные альбомы,
Хоть и немые мы вопиаем с крестов,
И точатся по нам первозвонные бомы.

XIV

И бывает серебро в крови,
Сколь огням червонным точиться,
Ко Христу взалкаем: живи,
Мы и мертвые будем влачиться.

Вот приидем к Нему без венцов,
Червотечное серебро уроним,
Различит ли одесных певцов,
Хоть сочествует нас Иероним.

А терничным не цвести лучам —
И преминем иродские версты,
И тогда лишь Господним очам
Зримы станут кровавые персты.

XV

Мы к алтарю стези торили,
Христу алча – огонь увидеть,

Любовь Его боготворили,
Страшились жалобой обидеть.

И кто пренес бы те мытарства,
Но чуден путь со перстью ровный,
Во стенах Божиего царства
Горит венец Христа всекровный.

Так что ж горчей полыни хлеба
И свечи кровью обвинюся,
Жива любовь, а мертвы небы,
И гвозди нам одне куются.

XVI

Преточатся волошки в лугах,
Исцветут золотые рамоны,
И тогда о мирских четвергах
Станут бить кровеимные звоны.

Веротерпцев искать со огнем,
А и мы мировольно горели,
С полевой ли дороги свернем,
Не обминуть сие акварели.

Эти блеклые краски легки,
Полыхать им на вербной аллее,
Мы ж Христу несли васильки —
Звонов цветик любой тяжелее.

XVII

Ах, недолго цветут и лазурь-васильки,
Травень пестует их, а рамонки сминают,
Как уроним, Господь, из десниц тuesки —
И приидем к Тебе, аще нас вспоминают.

Собирали мы в них те цветочки весной,
Отреченно плели рукоделья неловки,
Ароматы вились золотой пеленой,
Долу ныне легко их клонятся головки.

А и сами, Господь, тяжело премолчим,
Яко бельная цветь, наши головы ницы,
Слили кровь и одно пурпурою точим,
И хоругви плетут из нея кружевницы.

XVIII

Будет лето Господнее тлеть,
Расточаться во благодати дольной,
И не станем тогда мы жалеть
О Кресте ли, о розе юдольной.

Соберем луговые дары
И в красе цветяных одеяний
Изъявимся гурмой на пиры —
Веселити их чернью даяний.

Ах, не жалко июльских светил,
Только б видел Христос оглашенных,
Только б рек Он, что мертвых простил
И не вспомнит грехов совершенных.

XIX

Горят в коронах полевые
Цветы меж сорной озелени,
Инаких нет, а мы живые,
Студим кровавые колени.

Куда влачимся, там и север,
С колен восстанем – обернемся,
Найдет коса на белый клевер,
Тогда чернить его вернемся.

И будут ангелы неловки,
Ицветность палую сминая,
И те зардевшие головки
Превиждят: всяка именная.

XX

Со левкоев цветущих венки
Заплетем и приидем к чертогам,
Опознают ли нас ангелки —
Исполать вифлеемским дорогам.

Будет ясное лето гореть,
В белом клевере тлеть-расточаться,
И очнемся еще усмотреть,
Где на царствие Божье венчаться.

Мертвым нечего даже снести,
Им и звезды тлетворнее свечек,
Ах, Господь, мы и будем тлести
Хоть во льду херувимских сердечек.

XXI

Тяжелы во четверг набоженных слова,
Не пеяют, Господь, и Твое ангелочки,
Слезной кровию их преблестят кружева,
А святые псалмы – всё одне лепесточки.

Как не ждут нас теперь на иродных пирах,
Изъявимся, мирским облачением играя.
«Где, – премолвим ловцам, – ваш Ирод-вертопрах,
Зреть адницы ему без конца и без края».

И влачили, Господь, ко Тебе мы вечор,
И теклись очеса багряничною слотой,
Но повыбили чад и убрали в кляштор,
Кайстры там и горят нищевой озолотой.

XXII

Во тяжелой сирени гореть
Днесь пурпуровым эльфам и рдеться,
Мы теперь не могли умереть,
А и будем в канавы глядеться.

Подойдет ли Христос к бродникам,
Чтоб наречь фарисеям – довольно,
Иидите ко смерть-родникам,
Веселитесь хотя божевольно.

И терничные звезды падут
За всемертвые эти криницы,
Нас тогда ангелочки найдут
О соцвете кровавой денницы.

XXIII

Стези нагорные тернисты,
А всё их красили слезами,
Успели Божии горнисты
И мы лежим под образами.

И горны сменятся на трубы,
Сиять ли им, как изъявились
В кровавом цвете боголюбы
И за оклады восселились.

Христос превидит наши лики,
Начнут цвета мироточиться,
И так речет: «Оне велики,

За сих могу я поручиться».

XXIV

Смертоимную алость сотмим,
Довлачимся ль ко Божиим тронам,
А пред Господом встанем самим,
Лазуриты вия по коронам.

Молча будет глядеть Иисус
На волошек цветки ледяные,
Кровососный расточится гнус —
И претмить ли веночки земные.

Выжгут пламень Его очеса,
Алоцветно вспарят херувимы,
И стечется в терничник роса
От венцов, кои Смертью язвимы.

XXV

Птицы ношно летят со молчащих вязниц,
Их пухами, Господь, пресквернятся шалавы,
Жалко выбили нас, а и бражники ниц
В монастырских пирах клонят винные главы.

Красовались весной и горели сады,
Пустоцветом они горевым излетали,
Нет и ряс золотых, и чернеют лады,
Под трезвон песнярам цвет-веночки сплетали.

Пурпур в чернь заплели – ладно кровью плести,
Мастериц тех, Господь, литания всечасна,
До парафий Твоих нам теперь не пройти,
Наша страшная смерть уголями раскрасна.

XXVI

Буде некому роз отнести
Иисусу, воспрянем со тлена
И начнем всекроваво тлести,
И начинет пылати Селена.

А не станется ангелов тех,
Украсят пиროванья святые,
Мы тогда для иродских потех
И загасим венцы золотые.

Хороши будут наши цветки,

Лишь терницы багряной коснемся,
Вспыхнут золотом их лепестки,
Изгорят – и в огнях вернемся.

XXVII

Винцент, Винцент, во тьме лимонной
Легко ль витать, светил не зряши,
Мы тоже краской благовонной
Ожечь хотели тернь гуаши.

Водою мертвой не разбавить
Цвета иссушенной палитры,
И тернь крепка, не в сей лукавить,
Хоть презлатятся кровь и митры.

Легли художники неправо
И светы Божии внимают,
И двоеперстья их кроваво
Лишь наши кисти сожимают.

XXVIII

Юровые луга соцветут,
Отродятся некровные корни,
И веночек Христу доплетут
Из шипов, как и терния горни.

А были василечки живы,
Цветом красным в плетеньях горели,
Так и розам алкать синевы,
Яко Божие те акварели.

Все во терние цвет-васильки,
Иль на розы Христосу глядеться
Разве наши сухие цветки
О веночке Его будут рдеться.

XXIX

Страшный вторник, Господь, разливает нефрит,
И в зеленях Твоих веселее лампы,
Втще живая вода богосвятно горит,
Как живицею здесь отцвели вертограды.

Изуверились мы, благо присно мертвы,
А и чем проняли клиры звонных часовен,
Слезы наши собрать не потщились волхвы,
Каждый ныне собит небокормленный овен.

И царишны спят во церковных углах,
И лебяжьи пуха ткуются жизненно тонки,
Вместо яствий лежим на трапезных столах,
Сплошь над нами, Господь, пречернеют иконки.

XXX

Пожалеют Христу васильков,
Юровые цветы переимут,
Всекровавых тогда лепестков
Отберем, яко тени их взнимут.

Не сойти за мрачный Аид,
Мы огонь излили на церкви,
Укорять ли жалких аонид —
Преалкайте обрядовой крови.

А не хватится немощных сил,
Голубые цвета расточатся,
Чернь явим, только б Он спросил:
Где кровавые чада влачатся.

XXXI

Хотя пречтите убиенных,
Не имут мертвые веселья,
Цветов и хватит ли согленных,
Они для горького похмелья.

А мы любили золотые
Цветки, их вешнюю невзрачность,
Махнут волошками святые —
Перелием на хлебы мрачность.

Когда ж и кровью не упьются,
В пирах трезветь начнут лядно,
Тернии эти разовьются
И будут цвести неоглядно.

XXXII

Чермной краски июнь перельет
И деревия станутся красны,
И шиповье багрянец увьет,
Яко вретница наши закрасны.

И почто во садах жития
Мы смарагды Христу копили,

Расточается зелень сия,
Туне мертвых огнями слепили.

Ах, ночных еще будут певцов
Созывать в эти кущи-зелени,
И тогда безо чермных венцов
На шипы мы преклоним колени.

XXXIII

И любили, Господь, четверговок своих,
Нищеродных невест хлебосольно жалели,
Плотью-кровию лишь и воспотчевать их,
Ото яствий святых губы ведем алели.

На миру и была та юродность красна,
Геть по кельям таскать разносные утробы,
Цветным пухом чистец не завеет весна,
А и нам тяжелы монастырские гробы.

В чернойдних пирах истончен лазурит,
Мы веселием Смерть обороти не тщились,
Что квитаться, Господь, свет всекрасный горит
На мытарских шляхах, по каким превлачились.

XXXIV

Это белые розы горят,
А иных и не зрети усненным,
О любви ль оне говорят,
Исполать огням яснопенным.

Мы шиповник Христу принесем,
Яко розочек нам пожалели,
И расскажем Ему обо всем,
Как во трауре нощном истлели.

В палом цвете блеснутся шипы,
Мертвым боли никто не содеет,
Перевил тот шиповник столпы —
Днесь над каждым он тягостно рдеет.

XXXV

И тще вином подвальным станет
Христоса кровь, ее зардеем
Опять слезами, буде глянет
Косая Смерть: мы тризну деем.

Елико истинно хранили
Те всекровавые стеченья,
Любви Его не изменили,
Даруют нам еще реченья.

А слез восхочется хмеленей,
Иль нечем станет кровь разбавить,
Мы со пурпуровых сиреней
Явимся – вечерии править.

XXXVI

Яснобелый жасмин исцветет
И багряный шиповник доспеет,
И Господь ко святым нас пречтет,
Всяк тогда лишь одесно успеет.

Золотые веночки сберем,
Розы чермные выкрасим кровью,
Яко истинно мы не умрем,
Поклонимся хотя бы шиповью.

И сиим ли цветы оплетать,
Станут певчими книжники зваться,
Так и будемся ночью летать,
Во кровавом соцвете взвиваться.

XXXVII

Разве терни всегда устлали наш путь,
А о красных цветах мы, Господь, не мечтали,
И куда агнецам от купелей свернуть,
Кайстры бросим – темно и навечно пристали.

Воскружатся теперь черных роз лепестки,
Паки ловим и мы тонки их ароматы,
Эти розные тьмы искрашают венки,
Жалкий пурпур лиют долу сонмы лжесвяты.

Ночью тлеем, Господь, и пьяней белены
Всевишневая кровь черногого завета,
Хоть и смерть забрала те цветочки и льны,
В нашем тленьи одно боле красного цвета.

XXXVIII

Паки ангелам в небе летать,
Паки нам во канавы глядеться,
Будем желтые звезды считать,

И куда еще мертвым подеться.

И приидут опять вещуны
Соглядать вифлеемские нети,
Днесь и кущи земные темны,
А трилистя горше соцвети.

Только вспыхнет блажная Звезда,
Ангелочки презрят убиенных,
Мы о золоте выйдем тогда
Из всенощных садов недотленных.

XXXIX

Светила в трауре пылают
И тернь одна с небес виется,
И ход наш крестный устилают
Шипы со роз, чей морок льется.

Виждите огненные точки,
И звезды ныне всекровавы,
Так соберем еще цветочки
Хотя для рдеющей оправы.

Начнется пурпур воссиянный
Мерцать во тернине бутонов,
И черный купол недыханный
Зажжет шиповье наших стонов.

XXXX

Бросят ангелы красный жасмин
Во отверстые нашии гробы,
Вспламенеется горний кармин
Ярче золота ангельской пробы.

Как распятия наши горят
И цветами блажные дивятся,
Пусть чудесно тогда говорят
Ангелки и в жасмине резвятся.

А приидут со персти купцы
И вопросят: зачем он алеет,
Мы кровавые снимем венцы,
Зрите цветность – се кровию тлеет.

XXXXI

Как невозможно, Господь, четвергов миновать,

Мы распишемся в бель и явимся на святки,
И пороги начнем тяжело собивать,
Пурпурой ангелам застилать кровати.

Колыбели и те лихо Смерть прибрала,
Мало нежились в них черневые младенцы,
Благодатный огонь серебрят зеркала,
Да неделя стучит во изветхие сенцы.

А и сами, Господь, превлачили к Тебе,
На земле нас одно святари не любили,
Но увязли теперь в красноталой гурбе,
Колокольцы по нам ношно серебром и били.

XXXXII

Нам Христос золотые слова
Полагал, расточаясь во крови,
Как церковная вера мертва,
Мы соидем алкати любви.

Буде истинно слово горит
И Христосе возжалует чадов,
Он тогда нашу святость узрит,
К нам прельется и цветь вертоградов.

А не станется краски златой,
А кровавые лики сотлеют,
Низойдем от иконы святой —
Мертвым крови елико жалеют.

XXXXIII

И наши скудные цветочки,
И эти ямы луговые
С небес превидят ангелочки,
Христосу молвят: «Се живые».

Блудницы тще упоевали,
Алкати бесам свежей крови,
А мы томительно свивали
Цветы и бились во любви.

Христос опустит долу веки,
Не зряши свет златой на синем,
И в Божьих матрицах навеки
Мы о венцах таких застынем.

XXXXIV

Тяжело и вовек премолчим,
Затупятся ль холодные косы,
С голубых рукавов источим
Васильковые темные росы.

Не могли ото пиршеств земных
Упасти хоть лазорные крошки,
Так у ангелов красок иных
Мы не спросим: горите, волошки.

Сколь небесную цветность алкать
Изжеляют цари в Назарете,
Будут мертвых певцов окликать —
И тогда мы явимся во цвете.

XXXXV

И неславно легли под лядащей косой,
Боле неча унести, кроме чарок серебряных,
Только Смерть нас одно побирает красой —
Хороши васильки меж цветков ея рдяных.

Иисусе, горят золотыя хлеба,
Исчернились они, завиясь колосами,
Нощно лгали Тебе и сквернилась божба,
И пеяли глушцы князевыми басами.

Как осядет смуга на юдольных верхах,
Во трапезных съедят любояствия тратны,
И тогда ангелки в разукрасных пухах
Вдоль гостинцев пречтут наши косточки святны.

XXXXVI

Юровая сирень отцветет,
Белый клевер в лугах вспламенится,
И Христос убиенных пречтет
Ко святым, и начнет им тризниться.

Возлетят же тогда ангелки,
Неудобицы пламень овеет,
Пятидольные наши цветки
Смерть сама загасить не посмеет.

Возлетались и мы далеко,
Чтоб узреть кровоимные нети,
Где лишь мертвым тризняются легко
Отоцветшие гроздия эти.

XXXXVII

Молчат угодники святые,
Во рже безмолвствуют церкви,
Слились и камни золотые,
Гореть ли им в стольградской крови.

И где хазарские реченья,
Мертвей их стрелы Аримана,
И разве снег первокрещенья
Чужд фарисейского тумана.

Крестил Господь нас огнями,
Венцы точащие скуются —
И над холодными камнями
Цветки нетленные взовьются.

XXXXVIII

Вертограды поидем белить,
До средин ли язвимы зелени,
Восхотят наши крови прелить —
Сами в персть всезаставим колени.

Эти меты белее пелен,
И начнут они озлачаться,
Перебитых не взнимем колен,
Что ж святым на царенье венчаться.

Втще июньские сени горят
И текутся о всяческом плоде,
С нами ангелы днесь говорят,
А равно мы не слышим, Господе.

XXXXIX

Потому нас, Господь, умертвили в ряды —
Не снимали венцов, как Тебя дожидались,
И теперь не презреть наднебесной Звезды,
Втще царевны белы об агнцах изрыдались.

И жестоки оне, гончаки святарей,
Раздают и теням только червные меты,
Вот наивствуем днесь, а почезнем скорей,
Нежли кликнут блажных во конечные светы.

Так и были в миру мы невинней птенцов,
Кайстры прятали, вокруг хлебов крохи собирали —

Иисусу принести, и лежим без венцов,
Даже нищих, Господь, чад Твоих обобрали.

Л

Как не станется роз и огней,
Красной цветенью выбиют стерни,
Со всешпилевых острых теней
Озолота прельется во терни.

И тогда нас пойдут искать,
Яко были в миру венценосны,
Чадам славы ли мертвой алкать,
Гробы нам италийские сосны.

Ах, мы будем некрасно цвести,
Страстотерпцам указывать север,
А очнемся еще – заплести
Божевольные розы на клевер.

ЛІ

Певцы безмолвствуют ночные,
Во мраке нимбы царекрылом,
И меркнут пламени свечные
Пред темнооким Азраилом.

Сколь тщетных слов не говорили,
Не повелись и лицемерить,
Нас ангелочки одарили
Крестом, а им достойно верить.

Осанна, Господи, приткнемся
И мы Христу ко рамену,
И в красном золоте вернемся
Безмолвным певчим на замену.

ЛІІ

Тщетно мертвых ко литиям звать,
Сколь во благовест их не хранили,
И хотели еще пировать —
Колокольчики нам презвонили.

Что ж венчают на царство теней
Смертоимных младенцев ироды,
Из виющихся в терни огней
Хороши ли кровавые броды.

Но залятся огни пиров,
Грянет пламень о Божии арки,
И к столбницам тогда со юров
Мы внесем голубые огарки.

LIII

Снимем Божьи венцы с покаянных голов,
Нище краситься нам во страстную пятницу,
Коль обносят, Господь, кутию вокруг столов
Да макают персты в кровавую терницу.

Снимем червны венцы и приидем туда,
Где теперь нас не ждут ангелки-херувимы,
Им речем: «Пурпурой возгорят невода,
Выбирайте улов, аще сами язвимы».

Что ж, Господе, Твои ангелы премолчат,
Фарисеям и мы ничего не сказали,
И церковей верха ночью серебром горят —
В колокольных юрах жалких чад истязали.

LIV

Яко будут музыки венчать
Пированья и мессы закажут,
И останется нам прекричать,
Как о Господе мертвые скажут.

Ангелочки во Божий затвор
Отведут всеуспенных и святых,
То ли нем достохвальный Фавор:
Ни крестовий, ни теней распятых.

Грянет благовест горний, тогда
И узрите кровавые лики,
И взойдется блажная Звезда —
Наши розы облечь в повилики.

LV

Темнеют ангельские лики,
С небес и крови не прелиться,
Во муках были мы велики,
А душам некуда вселиться.

И внять ли розы страстотерпцам,
Кресты разохшие их значат,
И гвозди плавают по сердцам,

Любовь Господнюю иначат.

Одно лишь, всеблагословенны
В цветках молчащие святыя,
И эти розочки нетленны,
Со крови чистой извитые.

LVI

Во субботу златые цветки
Под свечами витыми очнутя,
И расправит багрец лепестки,
И апрельские грезы вернутя.

Мы веночки тогда изовьем,
Хоть успенным пускай он всесветит,
Каждый будет мечтать о своем,
А Христосе любому ответит.

Всуе нас о престоле искать,
Всуе красить огнями церкви —
Мы чрез Смерть и не можем алкать
И венцов, и Господней любви.

LVII

Как с замученных чад упадет пурпура,
Херувимы вспоют страстотерпцев лядащих,
Ждали смерти, Господь, и настала пора,
Буде темные мы от виньеток искрящих.

Кольца змей растеклись близ святых родников,
И цветочной крухой преточат Вавилоны,
Колумбарии вкруг, и не видно цветков,
И хоругвей белей серафимские клоны.

Рядом тратно лежим, а и шли на Парнас
Ангелков ублажить червострунной игрою,
Да почили, Господь, нет свечения в нас,
Изгорели дотла с золотой мишурою.

LVIII

Юровые цветки собирать
Повлачимся за смертные косы,
О венцах им точащих сгорать,
Яко сами теперь безголоты.

Нынче праздно алкати любви,

Как расслышать усненных реченье,
Пирований от нашей крови
Разве будет всехмельнее тщенье.

А псаломов опять восхотят,
Изордеются в хмеле сердечки —
Ко пирам херувимы слетят,
Чтоб затлечь эти красные свечки.

LIX

И наши камни святые
Отыщут – будет им темниться,
В потир серебряный вжитые
Могли они лишь мертвым сниться.

Черны ли рты от суесловья,
А слава правая не вянет,
И раскопать судеб крестовья
Господних копий не достанет.

Но честно скажут очевидцы:
Те камни храмов многих краше,
И занесут их всепровидцы
Ко алтарю – о горней чаше.

LX

Черных роз ли Христу постелить,
Он со алыми в ясном уборе,
И кровавой слезы не прелить —
Возгорят все на каждом соборе.

Ах, Господь, ангелочки Твое
Опоздали и мечутся туне,
Как избывно тепер житие,
Пусть святых отпоют во июне.

А не будется алых цветков,
За венцом огони расточатся,
Мы накрасим еще лепестков,
Яко святым цвета поручатся.

LXI

Больно видеть, Господь, воскресения свет,
Розы свежие нам и не бросили в гробы,
На скатерки с вином излился черноцвет,
Каждый потчевал здесь хлебосольные сдобы.

Только вежды цирцей нерасказно страшны,
Только наши персты не имают колечек,
Их не снять и слезой не прелить ложесны,
Травны мы от воды черных кривичских речек.

И чистец перешли, и раздали цветки,
И, Господе, поем в жизнетратных адницах,
И на горьких венцах все горят лепестки —
Чернь вспомнит еще о стозвонных музыках.

LXII

А и блеклые наши цвета
Восприветит Христос, чтоб явиться
И речи: «Кровь сиих излита,
Время ею настанет дивиться».

Узрит Он и розарный тернец,
И сиреней исцветья златые,
Повелит в свой заплести венец
Маргаритки, они ль не святые.

Как не станется красных цветков,
Не достанет Христосу любви,
Мы накрасим еще лепестков —
Яко рдятся прелитые крови.

LXIII

Кричат с высоких колоколен,
Точатся маковки златые,
Пресечь Христос один и волен
Сии кликушества пустые.

Глагольте, ангелы, возвестно,
Как не звонят, хотя снемеют,
Витым черницей Слово лестно,
Благих ли жалобить посмеют.

Не хватит краски на церкви —
И что гореть всезлатно митрам,
Тогда слиются нашей крови
Ручьи ко Божиим палитрам.

LXIV

Будут мертвые эльфы парить,
Расточаться во цвете багровом,

И тогда нас решат одарить
Всецветенными светом и Словом.

Змеи выели ярь-очеса,
Возгляните: се черные свечи,
А еще подаем голоса,
Яд лием со немеющей речи.

Свет нагорный огнем пронзит
Фарисейские тризны и свечи —
И речения кровь исказит,
Мы ее завивали в колечки.

LXV

От любви, Господь, мы и стали черны,
И лебяжьи пуха по тщете растеряли,
Как церкви горят и краснятся млыны,
Изнемеем теперь, аще кровию пряли.

И стоим пред Тобой без юродных венцов,
Чтят венечную Смерть родовые пенаты,
На чужбине Твоих собивали агнцов,
Слезы их упеклись в терневые караты.

Только мы и сличим воздыханье чумы,
Червный цвет прелия в гниlostные короны,
Паки звучны, Господь, золотыя псалмы
И рыдают о нас колокольные звоны.

LXVI

Нощно выльется красочный цвет,
Источатся всегорние блики,
И положат нам править Завет,
Яко были во смерти велики.

А вчера еще тлели красно
Богоданные эти цветочки,
Горькой кровию станет вино —
Так расставим одесные точки.

Саван днесь уготован Христу,
Фарисеям и мы удивимся,
Златом вырдеет лист ко листу,
В белой ветоши только явимся.

LXVII

А злата мертвые не имут,
И что коронами считаться,
Венцы нецветные изнимут,
Начнем с тенями обретаться.

Мы ждали Господа в юдоли,
Его прихода золотого,
Чрез смерть реча Ему – глаголи,
Сиянней житий это Слово.

Алкать великую субботу
Всем положат, кто неумолен,
И мы кровавую блевоту
Прельем со черных колоколен.

LXIII

Нас Господь и умерших простит,
Паки рано во пире глумиться,
Всуе ангел Господень слетит,
Мы устали смертельно томиться.

И соидем на Божий порог,
Житие мы влачили, довольно,
Кровью ль нашею белен мурог,
Так цветенье его божевольно.

Белый клевер воспыхнет в огне,
Зацветутся льняные сорочки,
Ах, белее и Смерти оне,
А за ними – кровавые строчки.

LXIX

Только черной весной и невозможно дышать,
А минули, Господь, первоцветные зимы,
Скоморохам легко аонид потешать,
Аще мы всебелы и срамно уязвимы.

Тратной краска легла, но забили цвики
Из чистец-серебра в лазуритные крышки,
Волошковые ниц обронили венки,
Расписали их тлом – и ни дна, ни покрывки.

Слушай, Господе, звон, это мы презвоним,
И лиются со губ кровотечные слогИ,
Не сносили голов, хоть костью охраним
Василечки Твое и златые чертоги.

LXX

Лишь сиреневый цвет отомрет,
Вертограды постелятся кровью,
Убиенных Господь изберет,
Чтоб сиих воспытати любовью.

Мы тогда золотые венцы
И наденем искосо-кроваво,
Яко Божие эти птенцы,
Хоть горятся пускай величаво.

Как Христос из терниц золотых
Всех превидит, в лазурь облачимся,
Не узнать и возможно ль святых —
О кровавом пуху мы влачимся.

LXXI

Субботы красной литании
Сменятся горней благодатью,
Как нет во золоте мессии —
И то ли путь Его к распятью.

А путь сей розами устелен,
Крестоношения страстного
Преложна треба, и нателен
Цветок в крови, и рдеет Слово.

Были мы рядом и немели,
И всем на шею роз хватилось,
Одно алкати лишь посмели:
Чтоб имя Божие святилось.

LXXII

Будет время и мы изречем
Сокровенную правду витиям,
Огонями их клуб рассечем,
Паки зрети Христа лжемессиям.

Станут долу глядеть васильки,
Змей колодных покроют крестами,
И тогда Иисусу венки
Доплетем гвоздевыми перстами.

Слова Божия нет всеправей,
На устах ему кровью вскипаться,
А не станет горьких кровей —

Мы и будем в огонь заступаться.

LXXIII

Светлой пасхи, Господь, озолотный венец
Все красней и златей ото лет панацеи,
Так чернится одно в наших бельмах свинец,
Юровые цветки собирают Цирцеи.

Извели нас теперь в монастырских пирах,
Воскресения мы богорадостно ждали,
И холопский к Тебе загудел вертопрах,
Камелоты темны, где святые лядали.

Низошедший с небес на гробницу живу
Благодатный огонь меж левконий чумеет,
Прелегли мы, Господь, во чистец-мураву
И серебром залить чад никто не посмеет.

LXXIV

И пред пятницей ясен страстной
Безнадежный четверг во священье,
Не алкали мы веры иной,
Как Господнее вняли реченье.

А куда из юдоли бежать,
Персты битые, головы ницы,
Станем красные венчики жать,
Бледной смерти глядеться в очницы.

Снег апрельский покроем луга,
На которых успели сыночки,
И чрез кровь со чистец-четверга
Мы протянем Христосу веночки.

LXXV

Пылают горние чертоги,
Во красных маковках им рдеться,
Не узреть ясные пороги —
Так будем в золото глядеться.

Сотлела Божеская манна,
Нет за хлебницами и корок,
И персть для странников небранна,
И от небес виется морок.

Христу даяния примут,

Мы исторгнем худые крови,
И света мертвые не имут,
А выше этой нет любви.

LXXVI

Звезды Божии с неба падут
И ожгут наши сирые лица,
И архангелы мертвых найдут,
Чтоб со кровию лилась музыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.